

Анастасия Мамкаева

Рождение черной крови

18+

18+

Анастасия Мамкаева

Рождение черной крови

<https://litres.ru/74617672>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если за один день твой мир рухнет и у тебя заберут самое дорогое? Что, если ты останешься единственным выжившим в целом городе трупов?

Лияне — девушке, которая привыкла быть в тени, пришлось всё это пережить. И единственной целью для неё становится месть.

Но на пути к получению головы своего врага не придётся ли пожертвовать ещё большим? Не придётся ли воспользоваться силой, которую она так давно зареклась применять?

Выбор, который ей необходимо сделать, изменит всё не только для неё, но и для целого мира, в котором магии уже нет места. Особенно для тёмной.

Содержание

Глава 1. Настоящее время.	4
Глава 2. Начало.	12
Глава 3.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анастасия Мамкаева

Рождение черной крови

Глава 1. Настоящее время.

Говорят, самое страшное для человека – это смерть, но проблема в том, что большинство этих слабых существ не испытывали настоящего страха. Того, который переходит в отчаяние, а потом и в опустошение. Проблема в том, что она пережила вещи намного хуже, и смерть оказалась слабым страхом...

Но теперь было холодно и сыро... Не говоря уже о том, как ужасно тут пахло. И чему удивляться? Кто сказал, что в темнице должно быть как-то по-другому? А в ее темнице и подавно.

Тут не было окон, лишь крепкая решетка, отделяющая ее от свободы. Хотя свобода для нее была переоцененным словом, не имеющим никакого смысла. Свобода давно стала недоступна для нее, да и совсем бессмысленна.

Сколько уже прошло времени с ее пленения? Сложно было сказать. Раньше, еще в самом начале, когда было за что бороться и за что стоило оскаливать зубы, она отмечала дни кривыми зазубринами (своими же обломанными ногтями) на каменных стенах. Несмотря на то что в окружающей ее

непроглядной темноте сложно было понимать, где начинался день, а где ночь (еще один способ свести пленника с ума), она безошибочно знала, когда стоило поставить новую отметину. Но время шло, а свободного места на стенах, до которых она могла дотянуться, ограниченная крепкими цепями, уже не осталось. И смысл считать тоже пропал.

В ее душе уже не осталось места для боли, ненависти или даже страха. Теперь она не чувствовала ничего. Она не помнила, когда это началось, когда она из живого существа превратилась в это подобие существования. Можно было бы закончить это. Запутать шею в тяжелые цепи и перекрыть воздух, можно было даже собственными руками расцарапать свое горло. Но это не помогло бы, уж она-то знала. Не зря, когда ее разум совсем помутнел, она не раз проделывала это. Все напрасно, смерть была ей недоступна, как бы она ни расправляла руки в ее объятия.

Цепи тяжело звякнули, когда пленница поднялась с хрупкой узкой койки. Она села, спустив ноги. Грязные ступни коснулись холодного пола. Иногда пролетала мысль о том, что смертный давно бы уже умер в таких условиях. Холод остановил бы биение сердца, а темнота свела бы разум с ума. В такие минуты она жалела, что ее кровь не красного цвета.

Она встала, и кандалы больно впились. Они были не только на ее запястьях, они были на ногах и шее. И хоть только руки были прикованы к темной стене, остальные причиняли не меньшую боль. Они были совсем не простыми. Надень на

нее обычное железо, это не принесло бы тюремщикам никакого толка. Эти были высечены из ониксового камня, который забирал любую магию, а железные шипы на их внутренней части, непрерывно впивающиеся в кожу, были смазаны какой-то отравой, делающей ее слабой. Оникс не давал исцеляться, и отравка делала свое дело без особых усилий. Не имея сил, ты не сможешь расправиться со своими врагами. Умно, очень умно.

Она пошла шаркающими шагами, ощущая всю боль. Только эта мелочь помогала ей не забыть, что она еще жива. Физическая боль приносила облегчение и вместе с тем была под дых отчаянием. Она невольно усмехнулась своему положению. Больше по привычке, нежели из каких-либо чувств. Сев на уже тронутый плесенью стул, она взялась за кисти на своем мольберте, если тут хоть что-то можно было назвать ее собственностью.

Это был “подарок” ее пленителей. Когда отчаянная борьба, полное безумие и попытки самоубийства прекратились, она как бы мимолетно попросила дать ей возможность писать на холстах. Надеяться, что хоть кто-то вслушается в ее слова, она не решалась. Это было отчаяние, больше похожее на последнее желание перед неминуемой казнью. Но ее услышали. Сначала был только один холст, пара кистей и лишь одна баночка яркой краски. Красной краски. Кажется, это было больше похоже на издевку, чем на благосклонность. Но и этим она была удовлетворена. Потом появился мольберт,

больше красок и холстов. Просто они поняли, их попытки сделали свое дело, и теперь ей осталось только смириться и молча писать свои картины. Они победили.

Она взяла кисть, щедро обмакнув её в баночку с краской. Сегодня руки слегка тряслись (уже как пару дней решили, что еда ей ни к чему). Она бы никогда и не подумала, что будет вообще заботиться о наличии еды, но эти оковы делали её более человеческой, чем хотелось бы признавать. И всё равно она сделала мазок, потом ещё и ещё. Пленница откинулась на спинку стула, разглядывая своё творение. Пусть здесь и было темно, но глаза уже давно привыкли, и поэтому она без труда могла оценить свою недельную (или же более долгую) работу. Это был портрет. Она рисовала его уже не первый и, думалось ей, не последний раз.

– Нос совсем не похож, – возразил голос у нее за спиной.

Девушка не вздрогнула, она даже не удивилась. Этот голос слишком давно ее преследовал, чтобы беспокоиться. Она еще раз внимательно осмотрела свою работу, особое внимание уделяя этому “не похожему” носу.

– Кажется, я уже начинаю забывать, как ты выглядишь, – очень уж хриплым голосом проговорила она (вода тоже в последние дни была редкостью).

Послышался шелест, напоминающий скорее легкий ветерок. По своим далеким воспоминаниям, именно так она и представляла его шаги. А потом тяжелая рука легла ей на плечо. Пленница втянула в себя воздух, представляя, какая

она теплая. Почти получилось.

– Очень сомневаюсь в этом, – его дыхание обволакивало ее ухо. – Но я могу побыть натурой, если тебе так хочется.

Тень проскользнула вперед, вставая рядом с холстом. понадобилось время, чтобы все его черты стали четкими. Причиной тому не была тьма вокруг, она знала это наверняка. И когда пелена рассеялась, она невольно затаила дыхание.

«Такой, каким я его и помню», – подумалось ей. Его темные, почти черные волосы были растрепаны, будто он только что встал после беспокойного сна. Подстрижены они были достаточно коротко для человека его положения. Он не раз ей повторял, что так намного удобнее, что схватиться за его волосы можно только в том случае, если он сам позволит так близко протянуть к нему руку. Его черты лица были такими резкими, что она всегда удивлялась, как с таким лицом можно так тепло улыбаться. Но самое важное были его глаза. Всегда светящиеся, будто два сапфира. Правда, сейчас они были тусклыми. Как ни старалась повторить этот свет в своем разуме, она не могла. Это, наверное, даже к лучшему, лишнее напоминание.

– Похоже, так только хуже. Ты совсем забыла о своих кистях, – он наигранно нахмурился.

– Зачем мне это, если я могу просто на тебя смотреть?

– Значит, это все, чтобы смотреть на меня? – он указал в угол, где друг на друга были свалены холсты.

Холстов было много, казалось, еще немного и они запол-

нят половину помещения. Благо, времени у нее было предостаточно. Она порою задавалась вопросом, что сделают с ними ее тюремщики, когда места совсем не останется. Пожалуй, она их так просто не отдаст. Последнее, что ей было дорого.

– Ты не так часто ко мне приходишь, – пожала плечами пленница.

Он вновь нахмурился, на этот раз вполне серьезно. Подойдя к ней ближе, он протянул руку, чтобы погладить ее грязную щеку. Девушка закрыла глаза, представляя его легкие, нежные прикосновения. Пусть у него всегда были шершавые ладони, не последнюю роль в этом играло его владение оружием и неутомимые тренировки, но к ней он прикасался всегда ласково. Прикосновение закончилось слишком быстро, так что она невольно вздохнула. Открывать глаза не хотелось, а вдруг он опять исчезнет, и останется лишь одна темнота? Но она все же открыла их. Он стоял перед нею.

– Это нужно прекращать, ты же понимаешь? – он смотрел на нее сверху вниз, и его взгляд сделался печальным.

Она задрала голову, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. Скрыть раздражение не получилось. Она фыркнула.

– Ты не в том положении, чтобы говорить, что делать. К тому же чем мне еще себя занять в этой дыре?

– Например, вспомнить все. Не за этим ли ты меня всегда зовешь?

Девушка отвернулась, не выдержав его пристального

взгляда. Она всматривалась в темную стену, где еще были видны ее отметины, и кусала и так саднящие губы. Он сел перед ней на колени, обхватив ее лицо, повернул к себе. Она не сопротивлялась, да и как можно было сопротивляться ему?

– Не за этим ли я здесь? – вновь задал он вопрос.

– Я не знаю, – вздохнула она.

– Тебе нужно отпустить, слишком много времени прошло.

Пленница закрыла глаза. Она и правда не знала, зачем его зовет. Она не знала, ведь эти встречи приносили больше боли, чем успокоения. Может, она боялась забыть, как он выглядит, как забыла свою сестру и родителей? Может, он был единственной ниточкой, державшей ее в этом мире? Может, он был последней надеждой на то, что когда-то вместо этой тьмы она увидит свет? Но чтобы она его звала, вспомнить свое прошлое, это было просто невозможно. Не хотела она вспоминать. Слишком больно.

– Но это необходимо, – словно прочитав ее мысли, сказал он. – Прошлое делает тебя собой.

Конечно же, он знал ее мысли. И эти уговоры больше происходили у нее внутри, чем с ним. Она всегда отказывалась, всегда меняла тему. И он всегда уходил, не получив то, что хотел. Но что-то сегодня было не так. Может, причина была в том, что она уже устала, может, в том, что за долгое время ей показалось, он наконец по-настоящему касался ее.

Девушка сдалась. Она потянулась, но не к нему, а внутрь себя. Она падала, всё глубже и глубже, пока не коснулась дна,

пока не почувствовала холод, боль и страх. И там, на глубине, что-то сверкало, что-то звало и манило её. Она набрала побольше воздуха в легкие и пошла на зов. Пошла, зная, что ничем хорошим это не кончится...

Глава 2. Начало.

Солнце буквально опаляло кожу лица, что уж говорить о вспотевшем теле под черной тканью. Оно было нестерпимо жарким, но больше всего раздражало то, что глаза слезились. Но я все равно сидела на черепице крыши. Тут единственное место спокойствия, пока там, на переполненных улочках, спует народ.

Я слегка повела плечами, чтобы размять затекшие мышцы. В мои планы не входило оставаться так надолго без движения, но меня только начало отпускать недавнее раздражение. И не сказать, что я была из тех истеричек, которые любят закатить очередную стычку со своим милым. Меня разозлила сестра.

Мы ладили, но порой терпение иссякало. Вот и сегодня так случилось. На мои аргументы уйти из этого городишки, она придумывала несусветную чушь. Или же все-таки я была недостаточно убедительна, сложно сказать наверняка после двухчасового пребывания под палящим солнцем.

Я встала, окончательно разминая мышцы. Все усугублял мой черный плащ, закрывающий все тело. Не лучший наряд для середины весны на самом юге (под благословением богов, как все любят говорить), но другого я себе позволить не могла. Слишком много внимания привлекают мои волосы, а внимание это последнее, что мне нужно.

Напоследок проверив, что все на месте, а капюшон не сползет, я направилась по черепице. Один плюс в этом городке точно был: дома стояли так близко, что перепрыгивать с крыши на крышу не было проблематично. А хождение по узким улочкам с кучей народу, не мое любимое занятие. Не то что моя сестрица. Она та, кого называют душой компании. И мне сложно с этим поспорить. Как может не нравиться такая отзывчивая и добрая девушка? Я только и успевала от нее отгонять негожих женихов. А ее имя, Мира, говорящее, ничего не скажешь. Вспомнив про свою сестру, я изменила направление. Извиняться я не умела, но всегда знала, чем можно порадовать Миру. И сегодня мне кровь из носа нужно купить ее любимые молочные персики. И не одну штуку. За свою утреннюю вспыльчивость приходится платить.

Перепрыгнув еще пару крыш, я спустилась по водосточной трубе на вымощенную камнем дорогу. На мои маневры никто даже внимание то не обратил, так все были заняты, поэтому я тут же влилась в толпу. Вот он, Рынок Приблуд. Кажется, тут продавали все: от мешка картошки до волшебного глаза, заглядывающего в ваше будущее. И если тебе нужно найти редчайшую вещицу, тебе точно в городок Грань, на этот рынок. То же касается и жителей этого самого городка. Тут жили и самые незаурядные смертные, и настоящие потомки тех самых богов за грядой.

Я ловко проскальзывала между собравшимися покупателями и продавцами, пытающимися всучить очередную ве-

щицу. Ведь мне прекрасно было известно, где находится необходимая мне лавка с изысканными заграничными вкусами. Я хотела побыстрее с этим закончить и отправиться в свой маленький домик, где намного больше свободного пространства.

– Здравствуйте, вам как обычно? – спросил милый пожилой мужчина.

Складывалось впечатление, что он работает тут всю свою жизнь и знает каждого покупателя лично, настолько он к себе располагал. Но я лишь нацепила дежурную улыбку и кивнула. Иметь даже мало-мальских знакомых непозволительная роскошь. Пара серебряных монет и пакетик приторно пахнущих персиков уже были у меня.

Я уже собиралась направиться в узкий переулок, как громкий звук труб ударил в уши. Сколько вообще времени? Неужели я пришла прямо к началу очередного представления местных развлекателей? Я задрала голову к небу, солнце еще было слишком низко для полудня. Пояснение происходящего я получила от стайки мальчишек, пробегающих мимо и громко кричащих: «Обращение! Это сам главнокомандующий королевской армии!». Они промчались, а я тупо глазела на расшевелившийся народ. Все, как по команде, направились в сторону главной площади, что-то бурно обсуждая. Главнокомандующий? Какого Семаргла, кто-то из столицы примчался сюда, да еще такая вышестоящая персона? Мне бы возвращаться к сестре, но что-то толкнуло меня на-

правиться за всеми, правда, я вовремя спохватилась и забралась на крышу соседнего дома.

Пройдя пару крыш, я уже получила хороший обзор на главную площадь, где уже было не протолкнуться. А на небольшом возвышении стоял полный мужчина в потрепанной, но богато расшитой рубахе. Это был местный хранитель города (сразу видно, кому тут неплохо живется). А рядом с ним стоял высокий, широкоплечий мужчина средних лет в идеально сидящем на нем солдатском обмундировании. Мне показалось странным, что на нем не было парадной формы или еще каких-либо отличительных знаков, его форма почти ничем не отличалась от формы тех, кто стоял по стойке смирно позади возвышения. Я насчитала десятерых, не многовато ли для обычной вылазки в маленький городок? Хотя не мне судить королевские правила обращения к народу. Мужчины еще, что-то быстро обсудили, и, когда главнокомандующий коротко кивнул, полный мужчина вышел вперед.

– Дорогие горожане, нам выпала огромная честь получить прямое обращение от нашего короля, – его голос звучно прокатился по толпе, вмиг затихшей. – Прошу приветствовать главнокомандующего царской армией Владимира Захаровича.

Народ захлопал и завопил, будто им всем выпал огромный куш в картах. А мне что-то не давало покоя. Почему обращение от короля предоставили армии? Я начала шарить гла-

зами по толпе в ожидании хоть у кого-то такой же настороженности. Но, кажется, это было тщетное занятие.

– Я всех вас приветствую, – грозный голос, которым, мне кажется, впору раздавать команды, а не нести вести.

Мужчина вскинул руку вверх, призывая всех к молчанию. Только теперь я могла рассмотреть его лицо: коротко стриженная борода и острый взгляд из-под опущенных век. Холодок невольно пронесся по моей спине. «Что-то тут не так», – кричал мой внутренний голос, и я снова невольно начала бегать взглядом по толпе. А мужчина продолжал:

– Я прибыл с печальной новостью для всех подданных короля Александра. Наш король погиб страшной смертью.

Кажется, резкий выдох собравшихся можно было ощутить даже кожей. И именно в этот момент мне на глаза попался еще один солдат. Тот стоял в тени одного из переулков, но на этих словах слегка подался вперед, что и выдало его. Я нервно сглотнула и начала заглядывать в каждый уголок. И да, почти везде стояли солдаты, с мечами наготове. Что, твою мать, тут происходит? Уходить, нужно уходить, но грубый голос вновь завладел моим вниманием.

– Вам всем стоит знать, это магия, грязная черная магия погубила его. Те, к кому он был доброжелателен, те, кого наше королевство приняло. А теперь эти предатели всадили нож в спину нашего королевства. И каждый будет наказан за измену! – голос в наступившей тишине разнесся, как свист топора, отсекающего голову.

В следующие пару секунд произошло то, чего я никак не ожидала. Мужчина выхватил меч и, развернувшись, в пару шагов преодолел расстояние, всадив его в грудь хранителя. Тот пару раз булькнул собственной кровью, повалился на землю. Главнокомандующий вытащил меч из его тела, скривившись при этом, как от чего-то давно протухшего. Он вскинул меч и громко вскрикнул:

– Убить всех!

Меня охватил шок, тело перестало слушаться, и пальцы сами разжали мешочек; персики покатились по крыше и падали на землю, разбиваясь без стука. Хотя дело было совсем в другом: крики и лязг оружия – вот что оглушало, а не такой незначительный удар. Началась паника, народ разбежался в разные стороны. Люди даже не замечали, что сбивают с ног других, а тела уже убитых валялись на землю, мешая пробиться в безопасное место, если такое вообще было. Солдаты хлынули из всех переулков, заграждая путь. То, что происходило, никак не укладывалось в голове: они убивали всех. Стариков, которые просто физически не могли противостоять; молодых людей, которые, несмотря на ловкость и быстрый бег, попадали под стрелы; женщин, закрывающих своих детей, а после – и их самих, плачущих и не решавшихся отпустить мать. Столько крови и беспощадного насилия я никогда не видела, и потому смотрела как зачарованная. Если бы не стрела, пролетевшая у меня над самым ухом, я бы не пришла в себя.

Я перевела взгляд и поняла, что на противоположной крыше расположился стрелок. Он уже натягивал новую стрелу, чтобы исправить промах. Я вскочила на ноги и побежала к краю крыши на другой стороне, там, где, я надеялась, еще нет солдат. Я перекинула ноги и начала спуск по водосточной трубе, но так торопилась, что пальцы соскользнули и ухватиться не получалось. Я полетела вниз. Легкие сами перекрыли проход воздуху, так мне было страшно, и, когда я столкнулась спиной о землю, он сам полностью вышел из меня.

В глазах потемнело, а звуки стали доноситься где-то изда- лека. Я часто заморгала и всё пыталась встать, но, кажется, удар был не таким уж и слабым, тело совсем не желало слу- шаться. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем мне удалось встать на карачки и отползти к стене. Мимо всё про- бегали кричащие и плачущие люди, не разбирая дороги. И я поняла: это бойня, в которой нельзя полагаться на чью-либо помощь. Наконец мне удалось подняться на ноги и, опира- ясь о стену, направиться в сторону дома. Сестра, мне нужно спасти сестру. Только эта мысль дала мне силы, чтобы нако- нец отпустить опору и ускорить шаг. Взгляд всё еще не мог сфокусироваться, и всё вокруг плыло, как на больших вол- нах в море.

Спустя пару домов я уже поверила, что успею и справлюсь с болью. Но я услышала чей-то рваный крик прямо у себя над ухом, а потом тяжесть. Кто-то упал на меня. Я пыталась

скинуть тело, но оно было слишком тяжелым, а я – непозволительно слабой. Мои ноги запутались, и я полетела вниз. Не успев выставить руки вперед, уже видела, как падаю не просто на землю. Последнее, что помню, – угол каменной стены, неумолимо приближающегося ко мне. И наступила тьма, непроглядная и ужасно тягучая.

Глава 3.

Мне снился страшный сон: там, где кровь окрасила мостовую, там, где крики были как естественный звук. Там я бежала и спотыкалась, там я пыталась успеть. А потом пришла головная боль, такая сильная, что жгло глаза и сжимало виски. Я втянула воздух, теперь болели и легкие. Но это ведь сон, просто страшный сон. Сейчас открою глаза и буду лежать на крыше, пойму, что я просто перегрелась, и поплетусь домой, чтобы пожаловаться сестре. Она даст отвар, и я снова усну, но уже без кошмаров. Я открыла глаза, и яркие вспышки в полумраке никак не давали сфокусироваться. Мне пришлось приложить усилие, чтобы сесть: что-то тяжелое мешало это сделать. Не понимая, где оказалась, я вертела головой (наконец пелена вспышек сошла) и только сейчас заметила, что встать мешало мне тело. Это был крупный мужчина с пустым невидящим взглядом. Меня охватил ужас, и воспоминания потоком пронесли в голове. Это был совсем не сон. Виски с новой силой пронзила боль. Я обхватила голову руками и почувствовала что-то липкое и вязкое. Отняв руки, я поняла, что вся в крови – в своей или чужой уже не имело значение.

Было тихо, слишком тихо для того, что только недавно тут происходило. А сколько вообще прошло времени? Переулок, в котором я оказалась, уже покрывал мрак, хотя я еще

помню ослепительное солнце. Я поднялась на ноги, и облокотившись о стену, медленно пошла в сторону дома. Выйдя из переулка, я попала на одну из самых проходимых улиц, и мой пустой желудок чуть не взбунтовался: желчь подступила к самому горлу, и мне пришлось прикрыть рот ладонью. Тела, их было так много, что и не сосчитать, а воздух был пропитан запахом железа. Нужно убираться отсюда, нужно найти мою сестру, а она точно должна была выжить, просто обязана.

Послышались чьи-то шаги, и я тут же зашла в темноту стены дома. Испытывать судьбу и выяснять, выжившие ли это, как я, или же те, кто учинил эту бойню, мне совсем не хотелось. Собравшись с силами, я начала пробираться к дому, теперь уже избегая больших улиц. По дороге мне также встречались тела, но я уже старалась не обращать на это внимания, иначе бы меня точно вывернуло. И когда я наконец вышла на нашу маленькую улочку, увидела их.

Солдаты беспечно ходили, переворачивая тела, иногда протыкали их мечами, видимо, чтобы убедиться, мертвы ли те. Кто-то закидывал тела, будто мешки с провизией, в большие повозки. И на удивление меня охватила злость: я хотела выйти и помешать им так по-свински обращаться с умершими. Я хотела голыми руками задушить каждого из них. Но это было бы верхом безумства, меня бы убили на месте. Поэтому, сжимая до боли кулаки, я направилась к дому.

Непонятно откуда взявшаяся злость сопровождала меня

на всем пути до дома, пока я бесшумно кралась к задней двери (заходить с главного входа было опасно). Подцепив с одной стороны крючок, я отворила дверь. Злость сменилась страхом, а воздуха в легких осталось категорически мало.

Комната, которую мы именовали кухней, была вся перевернута. Маленький стол лежал на полу, два старых стула были разбросаны рядом, один так и вовсе был со сломанными ножками. Немногочисленная посуда валялась по полу вместе с растоптанной едой. «Они просто искали её», – твердила я себе, пока медленно переставляла ноги. Но, добравшись до прохода в главную комнату, я онемела.

Пол был весь в крови, а на нем лицом вниз лежала она. Моя сестра. Её длинные темно-русые волосы разметались по спине. Её поза была такая неестественная, что сначала я даже решила – это просто не может быть человек. Как в тумане, я дошла до неё и тяжело опустилась на колени. Я даже не замечала, как по моим щекам катились слезы, как всю меня трясло, как я кусала губы до крови и всё повторяла, что это не может быть правдой. Мои руки потянулись к её плечам, и одним движением я перевернула её. И весь мой мир рухнул за одну секунду.

Я хваталась за её платье мокрыми кровавыми руками, я гладила её мягкие волосы и смотрела в безжизненные глаза, еще недавно светящимися золотом. Я укачивала ее тело, потому что боялась если остановлюсь, мне охватит дрожь, которая никогда не остановится. Меня разрывали рыдания, но

остатки логики не позволяли мне вопить во все горло. Я ту-по открывала и закрывала рот. Совсем не понимала, куда себя деть. Что мне нужно делать? Вытащить её из этого ужаса и спрятать, защитить? Но от кого защитить умершую? Разве только от Семаргла, бога смерти, который скоро окончательно заберет мою маленькую сестру. Я потянулась к шее сестры и сняла ее счастливую подвеску в виде маленького кинжала. Раньше она шутила, что он защищает от всех бед, а значит, мы всегда будем в безопасности. Как же теперь это звучало нелепо.

Мысли путались, пока я не услышала шаркающие шаги по камню, переговоры и смех. Смех в месте, где витали только смерть и горе. Нужно немедленно это остановить, нужно закрыть пасть этим монстрам. Вскочив на ноги, я кинулась к маленькому комоду, беспорядочно выкидывая вещи, чтобы достать его. Клинок оказался в моих руках, придав уверенности. Я развернулась, и мой взгляд снова скользнул к лежавшей Мире. А что я сделаю им? Настоящим солдатам, которые всю жизнь держали оружие. Даже если успею навредить одному, я видела, сколько их, мне просто не одолеть всех. Не нужно действовать наобум, нужно все обдумать.

Я подскочила к маленькой старой кровати и слегка отодвинула ее. Опустившись на колени, я попыталась нащупать отверстие в полу, уже слыша, как на крылечке переминаются нежданные “гости” и так же шумно ведут беседу. Пару неудачных попыток, и я наконец отодвинула заслон, про-

скочив внутрь полной темноты, и задвинула ее назад. В это же мгновение главная дверь со скрипом отворилась. Я прикрыла рот ладонью, боясь издать хоть малейший звук. Сидя в неудобной позе, прижимая колени к груди, я даже и подумать не могла, что этот тайник, случайно обнаруженный мной пару лет назад, когда-то мог пригодиться.

Послышались скрипучие шаги, они даже не пытались быть потише. Ведь чего бояться, когда ты сам несешь смерть окружающим.

– И почему мы должны этим заниматься? – раздался скрипучий мужской голос. – Не проще ли просто сжечь этот городишко? Меньше возни с этими вонючими трупами.

– Главнокомандующий сказал, что это будет лишним напоминанием всем, кто еще думает заниматься магией, – насмешливо ответил молодой голос. Он бы даже казался красивым и звучным, если бы не говорил такие мерзкие слова.

– Ладно, – недовольно фыркнул первый, – давай быстрее покончим тут, а то уже жрать хочется. Надеюсь, дальше мы только и будем убивать этих монстров, и пусть себе гниют под солнцем.

Монстров? Это слово все гудело и гудело у меня в голове. Они убивали всех, всех без разбора. А ведь тут жили и простые люди, не имеющие в своих генах ничего магического. Да и кто вообще решил: обладай ты магией, значит, обязательно причастен к злодеяниям? Я вспомнила слова главнокомандующего на площади. Кто-то убил короля. Кто-то, об-

ладающий магией. Так это показательная бойня или же война?

Мои размышления прервал шум прямо надо мной: они забирали тело моей сестры. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не выйти из своего убежища и не отобрать сестру. Я даже не заметила, как ногти впились в ладони. Меня снова охватила злость. Злость на все, что происходит. Но я медленно дышала, пытаюсь взять себя в руки, и все мысленно повторяла: «Мире уже не помочь. Она бы не хотела, чтобы я так нелепо погибла». И это помогло усидеть на месте.

Снова послышался скрип двери, а после – полная тишина. Я еще какое-то время сидела в укрытии, прислушиваясь к своему дыханию, собирая разбредающиеся мысли в более-менее полноценную картину. Еще один выдох, и я начала отодвигать задвижку. Когда я оказалась на ногах в маленькой комнате, на полу уже не было сестры, лишь следы размазанной крови и беспорядок из разбросанных вещей.

Я беззвучно подошла к маленькому комоду, где еще недавно выбрасывала вещи. Облокотившись на него, подняла взгляд на небольшое замазанное зеркало. Сбросив капюшон, я совсем не узнавала себя. И дело было вовсе не в царившей темноте вокруг. Несмотря на то, что волосы были такие же темно-каштановые с седыми прядями у лица, за что я часто получала косые взгляды и причитания (иметь в таком молодом возрасте седые волосы считалось очень плохим

знаком), несмотря на все такие же бледно-серые глаза, под ними залегли темные тени. Мое лицо было в засохшей крови, а над бровью проходила косая царапина, из которой все еще сочились мелкими каплями кровь. Вся моя одежда была испачкана, а на запястьях рубашка совсем разодралась. Не говоря уже о моих руках в крови сестры. Сестра! Я только сейчас вспомнила, что все так же сжимаю ее подвеску. Не задумываясь ни секунды, я обвила тонкую нить вокруг запястья и застегнула маленький замочек.

В этот момент будто что-то шелкнуло во мне самой. Я решила, что отомщу. Всем им отомщу. Не только солдатам, снующим по кровавым улочкам, как на светской прогулке, но главнокомандующему, и тому, кто отдал приказ, и, если понадобится, то самой королеве. Они все умрут и перед смертью будут видеть мое лицо.

Я скидывала с себя грязную одежду, все больше набираясь решимости. Войдя в кухню, нашла маленький тазик с водой, каким-то чудом уцелевший, и наспех вымыла руки и лицо. Обработать рану над бровью у меня не было возможности, да и тратить время на такой пустяк не хотелось. Я вернулась назад в комнату и отыскивала чистые вещи: простую рубашку, свободные штаны и черный плащ. Он был совсем новым; я позаимствовала его у одного из местных торгашей всякими диковинками, хотя на тот момент он казался совсем обычным и просто удобным (закрывал полностью руки, а капюшон помогал спрятать лицо). Вспомнив про брошенный кин-

жал, я тут же спрятала его в один из многочисленных карманов. Отодвинув комод, я протянула руку в небольшую трещину в стене и достала мешок с деньгами. Когда-то мы скрупулезно откладывали их: сестра хотела закупиться новой мебелью и всякой утварью в дом, а я же надеялась, что когда-то они нам пригодятся при переезде. Ни одно из наших желаний не сбылось. Теперь эти деньги пойдут лишь на одну цель – месть.

Последний раз бросив взгляд на учиненный погром и лужу крови, я сжала кулаки и тихо прошептала лишь себе:

– Вы все оплатитесь.

Выбралась я все тем же путем, через заднюю дверь и направилась по узким улочкам, прячась в тених. На этот раз трупы мне не попадались - видно, солдаты постарались навести “порядок”. Но вот кровь никто не вытер. Оставить пустой город весь в крови – страх для других, а для меня лишь напоминание. Я знала, что мне нужно добыть новое оружие и провизию, поэтому направилась напрямик на главную площадь. Теперь уже вещи, оставленные на рынке, явно никому не были нужны.

Но, преодолевая последние узкие улочки, я услышала шум: громкие разговоры, стук колес по мостовой. Я медленно подошла к последнему дому, отделяющему меня от просмотра развернувшейся картины, а посмотреть было на что. Выглянув из-за угла, я невольно вздохнула.

В самом центре площади, где когда-то находился помост

для выступления, была куча тел. Они были свалены друг на друга, и разобрать, чья нога или рука торчала, было просто невозможно. Это было настолько чудовищно и неправильно, что я схватилась за стену, боясь просто свалиться с ног. А солдаты как ни в чем не бывало катили повозки с телами и сбрасывали их, увеличивая эту груду, другие же стояли поодаль и вели веселую и оживленную беседу. По периметру площади стояли столбы с факелами, еще больше нагнетая атмосферу. Я безрезультатно шарила глазами, пытаюсь отыскать мою сестру, хотя даже мысль, что она где-то там, заваленная другими, приносила мне ужасную боль в груди.

Казалось, хуже и быть не может – оставить такую кучу тел назидание, но то, что произошло дальше, совсем повергло меня в шок. Вперед вышел тот самый главнокомандующий; от его вида я невольно заскрежетала зубами. Он внимательно осмотрел проделанную работу и одобрительно кивнул последним, кто скидывал тела. Все солдаты собрались рядом, и разговоры затихли.

– Сегодня мы проделали огромную работу, – разнесся грубый голос главнокомандующего. Он сделал театральную паузу оглядывая своих подчиненных. – Но это только начало, на нас возложили великое дело избавить наш мир от ереси. Подарить простым людям нашего королевства мир и спокойствие. Избавить их от черной гнилой магии!

Площадь взорвалась аплодисментами и громкими криками. А меня обдало холодным потом: они ведь и правда верят,

что сделали что-то хорошее. Бойня, которую они учинили, была для них успехом и, видимо, не последним. Когда голоса снова стихли, мужчина продолжил:

– Сегодня мы покажем, что бывает с теми, кто вредит нашему королевству, – и он кивнул, отходя в сторону.

Несколько солдат вышли из толпы, высоко держа факелы. Они быстро пересекли пространство и с разных сторон от груды сваленных тел опустили факелы прямо на трупы. Огонь тут же взялся за дело, сжигая одежду, а вместе с тем и плоть. Запах, разнесшийся по площади и попавший мне в нос, был отвратителен. Это был запах горячей кожи. Я тут же зашла за стену и облокотилась на нее спиной; меня тошнило, а глаза нещадно щипало. И только солдаты ликovali и улюлюкали, будто им показали настоящее представление. Мне было настолько отвратительно, что я просто решила сбежать. Сбежать как можно дальше от этого кошмара. Я найду другое место, где смогу раздобыть все необходимое и снова нагнать их, чтобы отомстить. А оставаться тут мне совсем не хотелось – это было выше моих сил.

Почти не разбирая дороги, я кое-как выбралась из города по старым улочкам. И только, отойдя на достаточное расстояние, я позволила себе обернуться. Огромный костер все еще пылал, поднимая столб дыма, а я все не могла отпустить то, что это все были люди. Люди, которые еще утром спокойно жили, не зная, что это их последний день. Я не могла отпустить, что там моя сестра, горящая вместе с ними, что я

больше не услышу ее залиvistый смех и не увижу, как она смешно сердится по мелочам. Но с одним я все же смирилась: теперь моя единственная цель в жизни – отомстить.

Я подняла руку, рассматривая старую подвеску, и тихо прошептала: «Я отомщу». Легонько поцеловав маленький кинжал, я развернулась и отправилась в глубь леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.